

— А я хочу видеть, с кем имею дело! — отрезал Латреомон, нагло оглядывая маркиза с ног до головы, и добавил: — И не прогадал, ибо — тысяча чертей! — нечасто встретишь столь изящно разодетого индюка! Жаль только, придется мне сейчас изрядно помять ему перья, кружева и ленточки. Ибо этот щеголь и есть маркиз де Шатовиллен, полагаю?

Высясь над невозмутимо сидящим противником и подавляя его своим колоссальным ростом, Латреомон вплотную придвинулся к нему, высокомерно поводя широченными плечами.

Но маркиз, сохраняя ледяное спокойствие, скрестил руки на груди, откинул голову и, вперив пристальный взгляд в полковника, ответил с оскорбительным презрением:

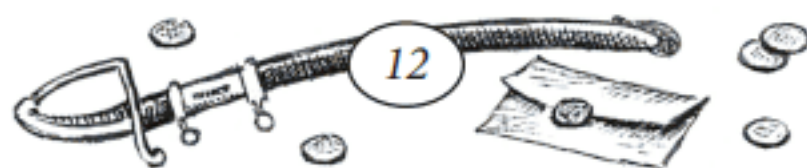
— А! Вы, надо полагать, тот самый охотник до газет?

С самого начала стычки все более встревоженные зрители постепенно придвигались ближе.

Аббат, виконт де Дре и прочие приятели Шатовиллена вскочили на ноги. Но поскольку до сей поры противники не выходили за рамки словесной перепалки, в зале царило гробовое молчание, полное напряженного ожидания развязки.

— Меня зовут отнюдь не так! Слышите ли вы, охотник до розовых лент! — рявкнул теряющий терпение полковник. — Мое имя — дю Амель де Латреомон, о чем я уже имел честь заявить.

Де Шатовиллен повернулся к виконту и, в высшей степени дерзко кивнув в сторону Латреомона, произнес с непередаваемым презрением:

*«Мое имя — дю Амель де Латреомон,
о чем я уже имел честь заявить».*

Эта любовь выдержала самые жестокие испытания.

От господина де Рогана Морис сносила все: унижительные измены, грубый эгоизм, оскорбительные подозрения, трусливое презрение, безумную, несправедливую и свирепую ревность. Но прощала ему все!

Ни единой жалобы, ни единого упрека — одни лишь слезы... горькие, безмолвные слезы, проливаемые при виде того, как человек, кому она отдала и посвятила всю свою жизнь, словно и не подозревает об этом. Одни лишь слезы! Она чувствовала, как отвергнутая любовь продолжает жить и дышать в ее груди, подобно дитяти во чреве матери!

Одни лишь слезы... о, какие мучительные! Особенно в минуты, когда Морис с ужасом думала: вместо того чтобы понять священную глубину этой безграничной любви, вместо того чтобы видеть в ней неиссякаемый источник утешения в дни испытаний, обожаемый ею человек считал ее чувство лишь приятным эпизодом своих любовных побед — случайной связью, которую можно разорвать без сожаления.

Ибо, подобно большинству любимцев фортуны, наделенных ограниченным умом и избалованных легкими победами, господин де Роган имел самое дурное мнение о женщинах. Всякое проявление доброты оборачивалось в его глазах очередным доказательством их слабости. Он не верил в добродетель или искренность их чувств, и Морис не избежала этого всеобщего презрения.

Добрый гений

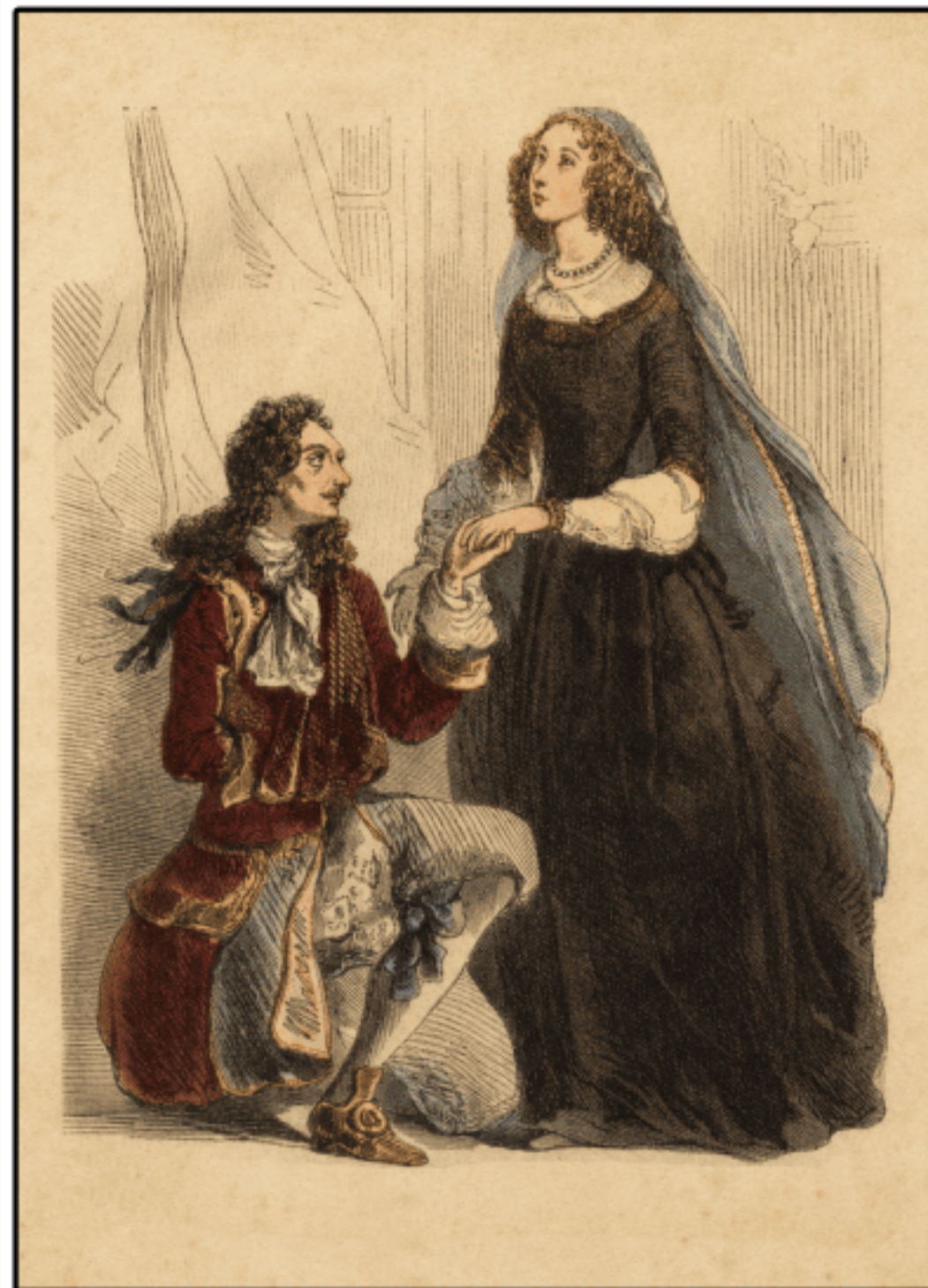
Это был одинокий, разрывающий сердце стон, вырвавшийся из души, раздавленной безграничным отчаянием. Затаив дыхание, Морис приподняла край занавески и заглянула внутрь...

Господин де Роган наполовину утопал в глубоком красном бархатном кресле. Темная высокая спинка еще резче оттеняла его томную позу и странную бледность прекрасных, страдающих и исхудавших черт. Глаза, возведенные к небу и увлажненные слезами, губы, болезненно искривленные улыбкой мрачной покорности, преждевременные морщины, избородившие щеки, — все придавало его лицу душераздирающее выражение.

На нем был коричневый бархатный камзол; казалось, он не смыкал глаз всю ночь. Черный шелковый шарф плотно стягивал его раненую руку к груди, тогда как левая рука, по-прежнему белая и изящная, но сильно исхудавшая от болезни, с проступившими венами, бессильно свисала поверх пунцовой бахромы подлокотника кресла.

Предметы, окружавшие шеваляе, словно подвели итог его нынешней и прошлой жизни — великолепие и радости былых времен соседствовали со скорбными бедствиями сегодняшнего дня.

Так, в этой разрушенной комнате взгляд выхватывал, с одной стороны, тигель, поставленный близ угасшего очага, остатки угля, пара картонных листов, испещренных каббалистическими знаками, и лозу для гадания — свидетельство недавних попыток шеваляе найти философский камень, тот таинственный ар-

Бледное, прекрасное лицо Морис, и без того омраченное печалью, теперь искажено муками скорби и смертельной тоски.

Измученный, разбитый, раздавленный вихрем столь стремительных и чудовищных потрясений, шевалье начал терять рассудок. Не сводя с Латреомона остекленевшего взгляда, он прошептал едва слышно, бессвязно, почти бессознательно:

— Я не понимаю, чего вы от меня добиваетесь!

И все тело шевалье судорожно содрогнулось.

— Не понимаете? Что ж, я объясню. Если вы отказываетесь от заговора, я беру одно из этих перьев и прямо здесь, у вас на глазах, за этим самым столом, пишу от вашего имени длинное письмо. Слышите? От вашего имени, господин Луи де Роган!

Латреомон говорил все быстрее, с какой-то адской, торжествующей яростью:

— Я подробно излагаю в нем наши планы, мои поездки и интриги в Нормандии, объясняю смысл Голландской газеты, участие иностранцев, предложения, сделанные мною Монтеррею от вашего имени, и ответ Монтеррея. Я упоминаю республиканские формулы и манифесты, написанные рукой Ван-ден-Эндена. Называю Назеля и вашу Морис сообщниками, посвященными в тайну. Расписываю блестящие надежды на успех. Щедро приправляю все это оскорблениями в адрес великого монарха, ссылками на вашу ненависть к нему и его презрение к вам. Прибавляю несколько славных мерзостей о Лувуа, еще несколько — о Монтеспан... и затем подбрасываю эту бумагу маркизу де Лувуа. Теперь понимаете?

Столь чудовищное коварство ошеломило Рогана. Он задохнулся от ужаса.

Господин Назель